

Lotman Ju. M. Problema hudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolja // V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. – Moskva: Prosveshhenie. –1988. – S. 251–292.

Macapura V.I. N. V. Gogol': hudozhestvennyj mir skvoz' prizmu pojetiki. – Poltava: Poltavs'kij literator. – 2009. – 304 s.

Putnin F.V. Detal' hudozhestvennaja // Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar' / pod obshh. redakciej V.M. Kozhevnikova, P.A. Nikolaeva. – M.: Sov.jenciklopedija.– 1987. – 752 s.

Vajskopf M. Ja. Sjuzhet Gogolja. Morfologija. Ideologija. Kontekst. – 2-e izd., ispr., rasshir. – M.: RGGU. – 2004. – 686 s.

УДК 821.161.1–9

ББК 83 (83.3) (2 Рос = Рус)

Э.Я. Фесенко

Emilia Ya. Fesenko

«Определить себя в безбрежно великом мире»:

детские дневники

«To identify yourself in a boundless great world»:

children's diaries

Аннотация: Рассматриваются жанровые признаки личных документов, в частности, – «внелитературных дневников» детей, созданных в экстремальной ситуации 20–40 годов XX века, которые помогли их авторам «восстановить свое Я», выполнив «заместительную» функцию. Доказывается, что дневник – своеобразная реконструкция истории, документ своего времени.

Ключевые слова: дневниковая форма записей; документ времени; детская память.

Abstract: The article is devoted to the genre features of «non-literary children's diaries» as a type of «private documents». These diaries, created in the extreme situation of the 1930–40's, helped their authors to restore their «Self», having performed a substitution function. It is proved that a diary is the specific reconstruction of history, the document of its time.

Keywords: diary entry form; documentation of the times; children's memory.

Одна из интереснейших проблем литературоведения – функционирование в литературном пространстве «личных документов», в частности, – дневников. Изучением личной документальной литературы занимались Ю.Н. Тынянов и М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и Л.Я. Гинзбург и др. К филологам со временем присоединились историки, культурологи, социологи. Превращение «факта быта» в «литературный факт» требует серьезного отношения. До сих пор не разработан категориальный аппарат. Поэтому на равных сосуществуют такие термины, как «документальная литература», «литература факта», «документально-художественная литература», которые вносят определенную сумятицу в толкование таких жанров, как «дневник», «мемуары», «воспоминания», «записки», «дневниковая проза» и пр.

В Литературной энциклопедии терминов и понятий речь идет не только о жанре

дневника, но и о «дневниковой форме записей», которая имеет ряд особенностей: «1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями и настроениями; 3) спонтанный характер записей (времени между событием и записью прошло слишком мало, последствия еще не проявили себя, и автор не в состоянии оценить степень значительности происшедшего; 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность и неопределенность адресата многих дневников; 6) интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей» [ЛЭТП, с. 232]. В той или иной степени эти особенности могут быть реализованы в каждом из документальных жанров. Характерны они и для так называемых «детских» дневников.

История семьи Марины Цветаевой складывается не только из ее стихов, писем, воспоминаний, но и из размышлений над дневниками ее детей – Ариадны и Георгия Эфронов. Выросшие в одной семье, впитавшие культуру Золотого и Серебряного веков, невероятно одаренные творчески, они прожили трагические жизни в XX веке – «веке-волкодаве» (О. Мандельштам).

Как заметила Е.Б. Коркина в предисловии к «Дневникам Ариадны Эфрон», на страницах детских тетрадей Али Эфрон воскресаает «жизнь, исчезнувшая сто лет назад, казалось бы, бесследно <...> Лыдины с глыбами снега быстро плывут по Москве-реке, во Дворце искусств на Поварской Александр Блок читает “Возмездие”, над храмом Христа Спасителя взлетают ракеты первомайского салюта 1919 года, по сугробам московских улиц, пугая редких прохожих, прыгают на ходулях и в саванах “пружинники”, в квартире на втором этаже в Борисоглебском переулке горит синяя люстра, на черном камине стоит золотой верблюд, и Ирина в розовом платье кружится по комнате...» [КД, с. 8].

И хотя в литературоведении «письма», «записки», «дневники», «воспоминания» долгое время считались «домашними жанрами», из бытовых документов они с годами превратились в свидетельства эпохи и стали литературным явлением. Так произошло и с дневниками цветаевской дочери. В «Книгу детства» собраны 5 тетрадей ее дневников за 1919 – 1921 годы. Их начала писать шестилетняя девочка, а закончила – девятилетняя перед своим отъездом в Чехию, где началась «другая» жизнь ее семьи.

Два известных психолога Генри Клауд и Джон Таунсенд в книге «Дети: границы, границы...» размышляли о том, что уже «в раннем детстве (а затем и в подростковом периоде) ребенок начинает ощущать в себе нечто, что мы называем волей», испытывая «стремление утвердить и проявить себя как особую личность <...>. Это стремление формирует в человеке способность управлять собой и своей жизнью <...> Утверждая свою личность, мы отвечаем на вопрос: “Кто я такой?” <...> Ребенку нужна свобода (в допустимых пределах)» [Клауд, Таунсенд, 2001, с. 21–22]. Их наблюдения особенно касаются детей, с детства проявивших свою одаренность. Швейцарский психотерапевт Алиса Миллер, рассмотрев «драму одаренного ребенка», основное внимание уделила исследованию природы детских психических травм. Она писала, что для излечения душевных травм «есть очень действенное и весьма эффективное средство: правдиво рассказать себе историю своего един-

ственного и неповторимого детства и эмоционально вновь пережить ее [Миллер, 2001, с. 2]. Автор замечает: «процесс этот – очень и очень долгий», но он «может восстановить свое Я и вернуть утраченную внутреннюю целостность, если глубже осознаем все произошедшее» [Там же]. На наш взгляд, эти умозаключения ученого вполне можно связать с «заместительной» функцией дневника, который часто становился единственным другом его автора, помогая избавиться от одиночества, страха и непонимания людей, окружавших его. Это относится и к дневникам детей войны, и к дневникам таких ярких личностей, какими были Аля и Георгий Эфроны и Лев Федотов.

В детских дневниках всегда ощутима возрастная психология их создателей. Дневник дочери Марины Цветаевой Али писался под присмотром матери, которая осуществляла определенный контроль над этим процессом, стремясь научить дочь дисциплине ума, логике изложения материала, грамотности, умению подмечать детали увиденного, работе над ошибками. Аля обязана была писать каждый день не менее четырех страниц. Из ее дневника складывается образ не только одаренной девочки, поражавшей всех своими стихами, стилем письма, но и сильной, властной матери, «служению» которой дочь посвятила всю свою жизнь, считая это своей миссией. Через много лет в разговоре с В. Лосской она рассказала о том, что в детстве нигде не училась: «Никакого образования я не получила. Кабы я училась, мама не писала бы стихов. Надо было от нее отстранить быт <...>. А я отлично умела покупать все самое дешевое, готовить и хозяйничать» [Лосская, 1992, с. 139–140]. Девочка рано проявила в дневнике и свои литературные способности: в него включены ее стихи, эссе, пейзажные зарисовки, описания снов и сценок российской жизни 20-х годов XX века. Как утверждал Б. Росс и другие психологи, детская автобиографическая память представляет важные данные для более глубокого понимания воспоминаний о детстве [Ross, 1991, с. 190].

Дневник Алиного брата – Георгия Эфрона – дошел до нас в своем неполном варианте: сохранились только его записи за 1940–1942 годы. Как и его сестра, он отличался незаурядными литературными способностями. Его дневник – образец психоанализа, так как по нему можно проследить, как рос и менялся подросток в своих сложных отношениях с родителями, в своем возмужании и решении вопросов бытия, в становлении моральных принципов.

И историки, и люди, желающие понять завязавшиеся в тугой узел отношения между СССР и Германией в 40-е годы, многое почерпнут для себя из дневников Георгия. По справедливому замечанию авторов предисловия к ним – Е. Коркиной и В. Лосской, «политическая зрелость молодого автора позволяет тем, кому интересна история Второй мировой войны, понять, какую информацию можно было получать в Москве и как ее можно было толковать – вне всякой политической цензуры» [Эфрон, 2007, т. 1, с. 8].

В дневниках молодого человека, выросшего на Западе, описывались и бытовые подробности жизни советских людей, которые его удивляли. Его записи сохранили для нас многие подробности материальной культуры уже ушедшей эпохи первой половины XX века. И, наконец, записи Георгия важны в силу того, что он – сын

крупного русского поэта Марины Цветаевой – был свидетелем «исчезновения» отца и сестры и последних лет трагической жизни матери.

Мемуары обычно пишутся на склоне лет человеком, который хочет оставить в памяти людей важные события, участником или свидетелем которых он был, или опровергнуть сложившиеся в обществе мифы, или разобраться в себе самом (а иногда и покаяться в чем-то), и, конечно, оставить своей след в жизни. В них сильно субъективное начало, присутствующее и в дневниках, которые обычно пишутся по горячим следам произошедших событий и в которых фиксируются сиюминутные мысли, мнения, пережитые чувства. Недаром к ним часто обращаются психологи.

Дневники Георгия Эфрона – яркий психологический документ, созданный подростком и юношей в очень трудные годы его жизни. Если перечислить события этой короткой жизни, видно, что он все время оказывался в экстремальных ситуациях. С 12 до 14 лет он жил в Париже с матерью, от которой отвернулись почти все эмигранты из-за участия Сергея Эфрона в операциях НКВД в Евразийском Союзе; в 14 лет (1939 год) на его глазах после переезда в СССР были арестованы отец и сестра; потом была трудная жизнь его и матери в Москве как родственников «врагов народа» в предвоенные годы; в свои 16 лет в Елабуге 1941 года он остался и без матери. Последние три года жизни (до 1944-го – года гибели на фронте в 19 лет) он в полной мере испытал одиночество, доверяя свои переживания дневнику и редко – немногим близким людям. При этом духовная жизнь юноши никогда не прекращалась: его дневники – свидетельство того, как он старался осознать свое место в жизни, разобраться в самом себе, в перипетиях своей судьбы. Дневник как жанр, конечно, относится к «источникам личного происхождения», но этот многоплановый и структурно-сложный (особенно такой, как дневник Георгия Эфрона) документ – источник для историков, филологов и психологов, которые высоко оценивают субъективность фактов и событий жизни человека, его впечатлений и рассуждений, ибо Личность всегда вписана в Эпоху. Именно поэтому каждый дневник – не только образец литературного жанра, не только документ своего времени, но и культурный образец своей эпохи.

Надо отметить, что никогда не размышляющий о теоретическом аспекте жанра дневников Мур (так его звали в семье) осознавал соотношение объективного и субъективного в своих дневниковых записях. У него нельзя не заметить чисто цветаевского взгляда на собственную жизнь, который просматривается в эмоциональном тоне его записей, и исторического (объективного) взгляда на свою жизнь, как на жизнь человека первой половины XX века: «<...> я полон любопытства к своей собственной судьбе, и мне объективно интересно, с точки зрения историка и романиста, как она будет в дальнейшем развертываться» [Эфрон, 2007, т. 2, с. 235].

Дневники Георгия Эфрона говорят о разнообразии человеческой памяти, которая может донести до нас фрагменты жизни отдельного человека (а иногда – целого города, целой страны), или создать целостную картину бытия в Пространстве и Времени. И то, и другое мы встречаем в его дневниках: перед нами встают картины жизни предвоенной и военной Москвы, жизнь эвакуированных, заполнивших Та-

тарстан и Узбекистан, характеристики (скорее, психологические портреты) отдельных представителей советской интеллигенции, которые дают возможность понять, как в трудные для страны время уживались в людях героизм и трусость, стяжательство, корыстолюбие и взаимопомощь. Не всегда приятно узнавать подробности жизни какого-нибудь известного человека: наблюдения Мура всегда нелицеприятны. Как справедливо заметил М.Ю. Михеев, «при чтении чужого дневника <...> из совместного с автором припоминания прошедшего порождаются и эмоции – <...> восхищение и на другом конце мысленной шкалы отвращение, как и все прочие движения души, заключенные в этом интервале меж двух крайностей» [Михеев, 2004, с. 150].

А. Блок, который с юношеских лет и до конца своей жизни вел дневник, был убежден, что дневники имеют не только личностную мотивацию: им присуща общественно-значимая необходимость. Он объяснил это в одной из своих записей 1911 года: «Писать дневник, или по крайней мере делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам. Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки» [Блок, 1961, с. 69]. «Звуки» жизни Цветаевской семьи помогают услышать дневники ее детей. Само Время подтвердило правоту наблюдений и Ю.Н. Тынянова: «Эпоха всегда подбирает нужные ей материалы, но использование этих материалов характеризует ее самое» [Тынянов, 1977, с. 259]. В двадцатом веке дневниковый жанр был признан и фактом литературы, и документом эпохи.

Дневники, которые начинают вести в подростковом возрасте, или в юношеский период жизни, как это случилось с Георгием Эфроном и Львом Федотовым, дают возможность понять психологический процесс адаптации их авторов к социальному миру. Георгий Эфрон признавался: «Пока я пишу эти строчки, у меня впечатление, что я исполняю что-то вроде ритуала, пишу свое духовное завещание, фиксирую мои последние моральные пожелания» [Эфрон, 2007, т. 2, с. 41]. Как и его мать, сын Марины Цветаевой понимал ценность сохранных сведений, запечатленных воспоминаний, считая, что надо записывать услышанные разговоры и бережно хранить фотографии. Его ровесник Лев Федотов в своем дневнике подробно записывал диалоги с собеседниками, стремясь сохранить даже интонацию речи своих современников, а его рисунки заменяли ему фотографии. Особенностью дневниковой прозы является стремление ее автора передать чужую речевую манеру, потому так часто встречаются тщательно записанные диалоги Льва с другими людьми (учителем музыки, школьным другом, родственниками). Тематика этих разговоров была очень разная – от обсуждения выбора будущей профессии Левы до обсуждения жизни военной Москвы. «Разбавляя» монологическую речь автора дневника, эти диалоги помогают воссоздавать атмосферу жизни России в предвоенное и частично – в военное время.

В юношеском возрасте всегда проходит процесс индивидуализации, который, по утверждению К.Г. Юнга, «порождает психологического “индивида”, т.е. обособленное, нечленимое единство, некую целостность» [Юнг, 1996, с. 197]. Оба юноши

прожили короткую жизнь: оба погибли на фронте в 1943 году в 19 лет. В силу обстоятельств к началу Великой Отечественной войны Лев окончил 9 классов, а Георгий успел поступить на 1 курс Литературного института. При этом первый в дневнике, как и в жизни, больше размышлял, а поступки и дневниковые записи Льва отличались «вечной целенаправленностью» (М. Коршунов): ускоренный темп его жизнедеятельности был связан с осознанием им кратковременности пребывания человека на земле, в том числе и его собственного. Георгий не жалел времени на рассуждения о прочитанных книгах, чужих мыслях, а Лев торопился высказать свои идеи; первый гордился тем, что умел выстраивать свои отношения со сверстниками и никогда не дрался, а Лев был безрассудно храбр, бесстрашен, хладнокровен, всегда составлял план и выполнял его, когда что-то задумывал. Если Георгий много думал о женской любви и мечтал о ней, то Лев категорически отрицал какие-либо привилегии женщин, считая это «выдумкой». Если Мур страдал от своего физического несовершенства и только планировал заниматься спортом, то Лев выработал жесткие поведенческие нормы и научился сокращать сон, не придавать большого значения холоду и голоду, став физически очень сильным, закалив свое тело и свой дух. Все это послужило тому, что он всегда был лидером среди одноклассников и друзей. И все-таки у этих двух таких разных юношей было много общего: оба они были героями своего времени – 40-х годов XX века. Их дневники – это дневники эпохи предвоенных и военных лет Второй мировой и Великой Отечественной войн, свидетельство их политической зрелости, яркие документы того, как личность формируется в экстремальных ситуациях. В своих размышлениях о войне и мире они оба «переросли» своих сверстников. Их дневниковые записи поражают реакцией на события, происходящие в «большом» мире. Да, это были, на первый взгляд, обычные подростки, которые одинаково «неуважительно» относились к школе, которая забирает у них много времени, отрывая от любимых занятий, а они тоже у них во многом были общие: музыка и живопись. У Георгия – еще литература, у Льва – палеонтология и биология. Они оба метались в выборе своей профессии. И хотя оба писали романы (Лев – научно-фантастические), Георгий мечтал о литературном творчестве, а Лев – о науке, так как выше всего ценил целесообразность и был сторонником знаний, которые приносили человечеству практическую помощь. Дневниковые записи Георгия Эфрона поражают широтой взгляда на понимание процессов, происходящих в мировой политике, и глубиной характеристик исторических личностей, а Льва – даром блестящего аналитика, который проявился в его предсказаниях точной даты начала Великой Отечественной, ее хода, поведения союзников и предсказания неминуемой победы СССР. Острый взгляд художника и свойственный юноше отстраненный исследовательский подход к происходящему позволили ему запечатлеть свои прозрения в дневнике, который оборвался на записи от 23 июня 1941 года, когда Лев осознал, что война ворвалась и в его жизнь. Он был представителем поколения, которое в суровые годы проявило огромную силу духа и отдало свои жизни за спасение человечества от фашизма.

Авторов обоих дневников отличала сила духа, философский склад ума, аналитизм и историзм мышления, сознание, освобожденное от самоцензуры, широкое

образовательное пространство, острый взгляд художника и исследовательский подход ко всему. Их поколение называют «самым жертвенным поколением фронтовиков», так как из тех, кто родился в 1923–1924 годах, в живых осталось только 3–4 процента участников войны. Среди них было много тех, о которых до сих пор страна не знает. С запозданием она узнала и об удивительном московском мальчишке Леве Федотове, погибшем под Тулой и захороненном в общей могиле в апреле 1943 года. Вспоминаются поражающие трагичностью строки Марины Цветаевой: «Мальчишек нужно баловать, им, может быть, на войну придется» [Цветаева, 1997, с. 353]. Автор предисловия к дневникам Л. Федотова И.В. Волкова справедливо отметила трагичность гибели множества не успевших себя проявить молодых людей: «Как ни удивительно, эта демографическая когорта остается до сих пор “вещью в себе” в аспектах жизненных стратегий, планов, структуры убеждений и поведенческих стереотипов. За всем этим скрывается еще более волнующая проблема – альтернатива послевоенного развития СССР, останься эта генерация в строю. Подтверждение таких потенциальных возможностей – уникальный случай Льва Федотова, во многом опередивший и свое, и наше время» [Федотов, 2015, с. 54].

В экстремальной ситуации военных лет десятки тысяч детей и подростков оказались наедине с самими собой. Многие из них вели дневники. В этих дневниках войны ощутимо сочетание «большого» и «малого» (*Зубрил алгебру; Наши сдали Орел*), искренность. В них все происходило впервые – война, страдание, смерть близких, первая любовь, страхи, муки голода и холода, ненависть к врагу и предателям. В них нет аналитических размышлений, как в дневниковых записях Георгия Эфрона и Льва Федотова, нет анализа военных событий, но, по наблюдениям писателя Даниила Гранина, в них много «удивительной наблюдательности и беспощадной откровенности» [ДКВ, с. 7]. По своей форме и объему дневники детей войны очень разные, а общее, присущее им всем, – это фактографическая достоверность, презрение к немецкой культуре, ненависть к врагу, тяжелые переживания из-за потери родных людей и друзей. Общее духовное состояние таких разных авторов этих дневников – вера в победу Красной Армии. Отдельные сюжеты их создают многомерную картину жизни страны в военное время. В них описаны события, происходящие в военной Москве, в блокадном Ленинграде, в осажденном Сталинграде, в оккупированных Ялте и Симферополе, в западноукраинском городке Кременец, в Каунасском гетто, в концлагерях под Ригой и в Германии, в тылу на маленькой железнодорожной станции в Сибири и во Владивостокском пароходстве, где мальчишки заменяли своих ушедших на фронт отцов и братьев. Все эти дневники, авторам которых было от 7 до 16 лет, стали со временем не только «человеческим документом», но и фактами истории: они поражают своей искренностью, а иногда и глубокими размышлениями о жизни и смерти, чести и предательстве, любви и ненависти. Они отличаются откровенностью высказываний о таких понятиях, как «родина», «предательство», «дружба», «мужество». Все авторы дневников сознательно шли на риск, понимая, что за откровенные рассказы о

зверствах фашистов, свидетелями которых они были, в случае обнаружения их записей им грозит смерть.

Даниил Гранин, предваривший своим Словом книгу, собранную журналистами газеты «Аргументы и факты» («АиФ»), пишет: «Чем эти дневники были для них, тех, кто их писал? Почти в каждом дневнике прочитывается: “мой лучший друг”, “мой единственный советчик”... В дневник не пишут – с дневником говорят. Нет на Земле ближе существа, чем эта тетрадь в коленкоровой обложке, чертежный блокнот, альбомчик с ладонь... И эта близость, эта потребность – зачастую она возникает именно в первый день войны, когда и были начаты многие из опубликованных в этой книге дневников» [Там же]. В жанре дневников духовные потрясения, исторические и социальные катаклизмы обычно проявляются наиболее зримо. И дневники детей военных лет, ставших свидетелями мировой трагедии XX века, не стали исключением.

Даниил Гранин справедливо утверждал: «Дети переносят войну иначе, чем взрослые. И записывают эту войну и все, что с нею связано, все ее ужасы и потрясения они по-другому. Наверное, потому, что дети – безоглядны. Дети наивны, но в то же время они и честны, в первую очередь, перед самими собой.

Дневники военных детей – это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной откровенности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых» [Там же].

Детские дневники интересны не только своим фактографическим материалом, но и явленной в них общностью духовного состояния советского поколения детей и подростков, девушек и юношей. В книгу дневников детей войны журналисты «АиФ» включили не только подробные, точно датированные дневники, из которых можно узнать, как жили, что видели, о чем думали дети разных возрастов, оказавшиеся в экстремальных условиях военных лет, но и краткие дневниковые записи, как в дневнике блокадницы Тани Савичевой, которые помогают создать картину военного времени Великой Отечественной.

В жанре дневника происходит своеобразная реконструкция истории. В пользу этого говорит определение В.И. Топоровым «синхронности» как одного из главных признаков жанра дневника: «Дневник синхронен описываемому, и, как правило, соблюдается принцип: то, что произошло сегодня, сегодня же и записывается, <...> внелитературный дневник пишется в той манере *alla prima* (сразу же, с первой попытки, без последующих поправок), которая возлагает на автора особую ответственность и <...> придает дневнику достоверность именно из-за неподдельности и откровенности “первого жеста”» [Топоров, 1989, с. 84].

Дневники детей – «внелитературные дневники», и усомниться в достоверности искренности чувств их авторов невозможно, так как в них присутствуют основные жанровые признаки дневника: первичное, эмпирическое восприятие действительности, исповедальность, достоверность изложения. Несомненно, что в них ощутима

субъективность взглядов их авторов, так как в них нет бесстрастных суждений, но при этом, как отметил А.В. Подгорский, «субъективность в дневнике прежде всего проявляется на уровне отбора фактов, производимого автором, и оценке событий “по горячим следам”. Единственным критерием значимости факта, события <...> становится личная заинтересованность или причастность автора к ним, тогда как значимость истинная, объективная определяется временем. Каждодневное писание, фиксация происходящего “по горячим следам” оберегает или избавляет от ошибок, но не позволяет вынести бесстрастное суждение <...>. Даже с этой поправкой дневник является своеобразным первоисточником, аутентичным документом своего времени» [Подгорский, 1998, с. 8].

Библиографический список

- Блок А.А.* Дневник: собр. соч.: в 8 т. – Т.7. – М. –Л.: Гослитиздат. – 1961. – 602 с.
Клауд Г., Таунсенд Д. Дети: границы, границы... – М.: Триада. – 2001. – 101 с.
Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. – М.: Культура и традиции. – 1992. – 348 с.
Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. – М.: Академический проект. – 2001. – 144 с.
Михеев М.Ю. Мысль между дневниками и текстом // Человек. – М.: Наука. – 2004. – № 6. – С. 150–158.
Подгорский А.В. Жанр дневника в английской литературе эпохи Реставрации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург. – 1998.
Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикова Такубоку) // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 4. – М.: Наука: ГРВЛ. – 1989. – 301 с.
Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука. – 1977. – 576 с.
Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука. – 1996. – 269 с.
Ross V.M. Remembering the Past: description of autobiographical memory. – Oxford. – 1991.

Энциклопедии

- Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А.Н. Николюкин.* – М.: Интелвак. – 2001. – 1600 с. (в тексте – ЛЭТП).

Источники

- Детская книга войны. Дневники 1941-1945.* – М.: АИФ. Доброе сердце. – 2015. – 481 с. (в тексте – ДКВ).
Книга детства. Дневники Ариадны Эфрон. 1919–1921. – М.: Русский путь. – 2013. – 248 с. (в тексте – КД).
Федотов Л. Дневник советского школьника. – М.: АСТ. – 2015. – 352 с.
Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради. – М.: ЭллисЛак. – 1997. – 639 с.
Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. – М.: ВАГРИУС. – 2007. – 368 с.

References

- Blok A.A.* Dnevnik: sobr. soch.: v 8 t. – Т.7. – М. –L.: Goslitizdat. – 1961. – 602 s.
Cvetaeva M. Neizdannoe: Svodnye tetradi. – М.: JellisLak. – 1997. – 639 s.
Detskaja kniga vojny. Dnevniki 1941-1945. – М.: AIF. Dobroe serdce. – 2015. – 481 s. (v tekste – DKV).
Fedotov L. Dnevnik sovetskogo shkol'nika. – М.: AST. – 2015. – 352 s.
Jefron G.S. Dnevniki: v 2 t. – М.: VAGRIUS. – 2007. – 368 s.
Jung K.G. Struktura psihiki i process individuacii. – М.: Nauka. – 1996. – 269 s.
Klaud G., Taunsend D. Deti: granicy, granicy... – М.: Triada. – 2001. – 101 s.

- Kniga detstva. Dnevniky Ariadny Jefron. 1919–1921.* – М.: Russkij put'. – 2013. – 248 s. (v tekste – KD).
Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / glav. red. i sost. A.N. Nikoljukin. – М.: Intelvak. – 2001. – 1600 s. (v tekste – LJeTP).
Losskaja V. Marina Cvetaeva v zhizni: Neizdannye vospominanija sovremennikov. – М.: Kul'tura i tradicii. – 1992. – 348 s.
Miheev M.Ju. Mysl' mezhdju dnevnikami i tekstom // Chelovek. – М.: Nauka. – 2004. – № 6. – S. 150–158.
Miller A. Drama odarennogo rebenka i poisk sobstvennogo Ja. – М.: Akademicheskij projekt. – 2001. – 144 s.
Podgorskij A.V. Zhanr dnevnika v anglijskoj literature jepohi Restavracii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Ekaterinburg. – 1998.
Ross B.M. Remembering the Past: description of autobiographical memory. – Oxford. – 1991.
Toporov V.N. Dva dnevnika (Andrej Turgenev i Isikova Takuboku) // Vostok-Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii. – Вып. 4. – М.: Nauka: GRVL. – 1989. – 301 s.
Tynjanov Ju.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. – М.: Nauka. – 1977. – 576 s.

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2(Рус) + 83.3(4 Рус)6

*О.И. Гамали,
О.Б. Каневская
Olga I. Hamali,
Olga B. Kanevskaja*

**Особенности художественной картины мира В.Д. Дудинцева
(на материале романа «Белые одежды»)**

**The specifics of V.D. Dudintsev's artistic image of reality
(a case study of the novel «White Garments»)**

Аннотация: На материале текста романа «Белые одежды» В.Д. Дудинцева раскрываются особенности художественной картины мира писателя (соединение рационального и эмоционального начала, детальность, яркость, контрастность), находящие выражение в использовании разнообразного языкового материала (разговорная и просторечная лексика, фразеологизмы, термины, языковые и контекстуальные синонимы и антонимы и т.д.).

Ключевые слова: художественная картина мира; лингвистические образные средства; В.Д. Дудинцев; роман «Белые одежды».

Abstract: The article considers the specifics of V.D. Dudintsev's artistic image of reality as exemplified in his novel «White Garments»: the combination of rational and emotional elements, amount of details, verve, contradiction. These peculiarities are conveyed using such expressive means as vernacular and informal words, idioms, terms, the variety of lingual and contextual synonyms and antonyms, etc.

Key words: artistic image of reality; linguistic imagery; V.D. Dudintsev; novel «White Garments».

© О.И. Гамали, О.Б. Каневская, 2017